

АННА БЕСТОВА

ТОЛЬКО **БОСС**
«ДЕЛОВЫЕ»
ОТНОШЕНИЯ

18+

Анна Бестова

Босс. Только

"деловые" отношения

<https://litres.ru/74385619>

SelfPub; 2026

Аннотация

Никогда не украшайте елку в кабинете начальника презервативами. Особенно если вы не знаете, что ваш старенький босс Палыч ушел на пенсию три дня назад, а новый – молодой, чертовски привлекательный и стоит прямо у вас за спиной. Теперь мой ад называется «работа на Мирона Александровича Горского». Он – властный, циничный и помешан на контроле. Я – не готовая сдаваться без боя. Наше противостояние – это искры, сарказм и «деловые» совещания, от которых кровь стучит в висках. Но на новогоднем корпоративе все пошло не по плану

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	14
ГЛАВА 4	21
ГЛАВА 5	25
ГЛАВА 6	29
ГЛАВА 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анна Бестова

Босс. Только

"деловые" отношения

ГЛАВА 1

– Во-от так, отлично! – прикрепила к елке последнюю пачку презервативов. – Палыч оценит.

Наш начальник уж больно любитель пошутить. А тут мы узнали, что его молодая жена беременна пятым ребенком. Демографию, конечно, надо повышать и все такое, но Палычу уже седьмой десяток. Вот наш женский коллектив и решил «отомстить» боссу, украсив елку в его кабинете пачками презервативов вместо игрушек. Не ему же одному над нами издеваться?

– Что это такое? – прозвучало за моей спиной надменно-вопросительное. И голос такой... низкий, бархатный, абсолютно незнакомый.

Ледяные мурашка пробежали по спине. Я медленно, как в плохом триллере, поворачиваюсь.

В дверях кабинета стоял не Палыч. Стоял Он. Высокий, широкоплечий брюнет в идеально сидящем темно-сером ко-

стюме. Красный галстук. Взгляд – холодный, изучающий, цвета темного шоколада, но без капли тепла. Скулы, на которых можно было бы точить карандаши, и губы, поджатые в тонкую полоску неодобрения.

Хотела спросить, кто он такой и что здесь делает, но мужчина меня опередил.

– Я Мирон Александрович Горский, ваш новый босс.

Мир сузился до точки на его галстук и до жуткого осознания, что я стою посреди кабинета нового директора с пачкой резиновых изделий №3 в руке, а за моей спиной красуется елка, больше похожая на витрину аптеки.

– Марина Соколова, – выдавила я из себя, автоматически пряча роковую пачку за спину. – Мы... мы вас не ждали. Палыч... Иван Павлович ничего не сказал, что... он нас покидает... уйдет, точнее.

– Иван Павлович ушел на заслуженный отдых позавчера, – голос был ровным, без эмоций. Его взгляд скользнул по елке, по гирляндам из презервативов, по моему алому лицу. – Вижу, подготовили... креативное поздравление. Это что, корпоративная традиция?

– Можно и так сказать, – пропищала я. – Сюрприз.

– О, еще какой, – новый босс медленно вошел в кабинет, закрыл за собой дверь. Звук щелчка замка прозвучал как приговор. Он подошел к елке, снял одну блестящую пачку, повертел в длинных пальцах. – «С ребристой поверхностью». Интересный выбор. Вы отвечали за ассортимент, Ма-

рина?

Внутри все сжалось от унижения и дикой иронии ситуации.

– Коллективное творчество, – скрепив зубы, проговорила я. – Если бы мы знали...

– Что вместо добродушного Палыча придется иметь дело со мной? – он закончил за меня, бросив пачку на стол. – Что ж, знакомство состоялось. Вы угадали с размером... – новая пачка XXL покинула елку и оказалась в руках этого... озабоченного.

Я сглотнула слюну, представив это размер...

Зачем я это сделала?

Кажется, он еще умеет читать мысли... мои.

Брюнет хитро прищурился и усмехнулся.

– А теперь... Красотка, не пропадать же этому «добру»? Мы продолжим наше знакомство, ближе...

У меня слуховые галлюцинации? Или он и, правда это сказал?! Или это игра моего воображения?

– Что? – переспросила я, пытаясь побороть желание про-чистить уши и на всякий случай сделала шаг к двери, не вовремя вспомнив, что новый босс... ее запер.

Упс. Мне уже начинать бояться?!

– Я говорю... И уберите это... творение. Через час у меня планерка. Хочу видеть кабинет в строгом, рабочем состоянии. Без новогоднего абсурда.

– Но сегодня двадцать восьмое декабря! – вырвалось у ме-

ня. – У нас всегда в это время...

– Теперь не всегда, – перебил он. Взгляд стал еще холоднее. – Есть два варианта: либо елка исчезает, либо исчезаете вы с ней. Вместе с вашим чувством юмора. Ясно?

Глаза его говорили, что шутить он не любит. Вообще.

– Ясно, – прошептала я.

– Отлично. И, Марина? – он уже сел в кресло, которое еще пахло Палычевым лыжным бальзамом. – Принесите, пожалуйста, отчет по продажам за последний квартал. И ваш кадровый файл. Мне нужно познакомиться с командой поближе.

Сердце упало куда-то в районы пяток. Отчет... Он был сырой, недоделанный, потому что все готовились к корпоративу. А в кадровом файле... о боже, там та самая фотография с прошлого корпоратива, где я в костюме Снегурочки и с коктейлем в руке.

– Да, Мирон Александрович, – автоматически бросила я и, пятясь, как от дикого зверя, вышла из кабинета.

В коридоре прислонилась к холодной стене. Из кабинета зазвучала классическая музыка. Не «Jingle Bells». Вивальди. Зима.

Так вот ты какой, новый босс. Никакого деда Мороза. Только строгий, молодой и чертовски привлекательный... Горский. И наша война, похоже, только началась.

А елку... елку придется разбирать. Но я поклялась себе, что это моя последняя уступка.

ГЛАВА 2

Через час я стояла перед дверью его кабинета, держа в потных ладонях распечатанный отчет и свою личную папку. Елка, столь весело украшенная утром, теперь грустно лежала в черном мусорном пакете у моих ног – символ загубленного праздника и моей унижительной капитуляции.

– Войдите.

Его голос из-за двери звучал как удар хлыста. Я вдохнула, выпрямила спину и зашла.

Кабинет преобразился. Исчезла не только елка. Пропали смешные фотографии с рыбалки Палыча, пыльный глобус и баночка с леденцами «для поднятия духа». Теперь здесь царил стерильный, минималистичный порядок. На столе – ноутбук, чашка с черным кофе и стопка свежих папок. Горский сидел, уткнувшись в экран своего ноута, и даже на мое появление не поднял головы.

– Мирон Александрович, отчет и мое дело.

– На стол.

Я положила бумаги рядом с его чашкой. Он молча взял отчет, начал листать. Я замерла, ожидая взрыва. Собственно этот самый взрыв не заставил себя ждать.

– Это что? – босс ткнул пальцем в график, который напоминал кардиограмму умирающего. – Объясните этот провал в ноябре.

– В ноябре... – голос мой звучал скрипуче. – В ноябре была поставка бракованного сырья от нового поставщика, пришлось срочно искать замену, что повлекло задержки... и издержки.

– И где в отчете анализ ошибок при выборе этого поставщика? Где план действий по предотвращению подобного в будущем? Вижу только оправдания мелким шрифтом в объяснительной, составленной не по форме. Или вы считаете, что красивая диаграмма в праздничных цветах все скроет? – он отложил отчет и взял мое личное дело. Открыл. Его взгляд задержался на первой же странице.

Мне стало жарко. Там было мое университетское фото, где я с длинными волосами... еще... Сейчас обрезала каре.

Он перевернул страницу. Я забыла, как дышать.

Затем еще. И замер. Я знала, что он увидел. Фотография. Корпоратив. Я в коротком синем платье Снегурочки, с серебристой шапкой набекрень, обнимаю огромную бутылку шампанского и улыбаюсь во все тридцать два зуба.

Подпись: «Марина Соколова – душа компании!»

Я готова была провалиться сквозь пол.

Горский медленно поднял на меня глаза. В них не было ни осуждения, ни насмешки. Была холодная, научная заинтересованность.

– «Душа компании», – прочел он вслух подпись. Голос был ровным. – Объясните, как статус «души компании» со-

относится с показателями эффективности вашего отдела, которые, если верить этому отчету, падают второй месяц подряд?

Это было уже слишком.

– Мирон Александрович, – начала я, чувствуя, как гнев вытесняет робость. – Показатели падают из-за объективных причин, а не из-за того, что я умею веселиться на корпоративе. При Палыче мы работали в человеческой атмосфере, где ценили не только цифры, но и людей!

– При Палыче компания теряла в прибыли три квартала подряд, – холодно отрезал босс, захлопнув папку. – «Человеческая атмосфера» привела к дисциплинарному разгильдяйству. Что, кстати, прекрасно иллюстрирует ваша сегодняшняя утренняя инициатива с украшениями. Кстати, что вы с ними сделали?

– С чем? – я забыла не только как дышать, но и как говорить. Он что снова решил о презиках поговорить?

– С украшениями...

– Пока ничего, – хотелось уточнить, он на что-то намекает или просто так интересуется? Но я промолчала, мысленно пытаюсь вспомнить, как работал мой организм до того, как новый босс начал задавать столь провокационные вопросы.

Мужчина откинулся в кресле, сцепив пальцы.

– Вот мои правила, Марина. Никаких панибратств. Никаких «душ компаний». Есть KPI, сроки и профессиональная ответственность. Ваш отдел за последние два месяца не вы-

полнил план на 15%. Это фатально. Вы либо находите способ это исправить до конца года, либо я нахожу способ исправить состав вашего отдела. Понятно?

Поскольку я молчала.

Пuls так стучал в ушах, что... Я едва разобрала то, что он добавил.

– Соберите все ВАШИ презервативы, вам они пригодятся, потому что... Вы точно не справитесь и будете уволены, плюс я вас трахну. И буду трахать до тех пор, пока не закончится весь запас резиновой продукции.

Или это мне показалось? Он не мог такого сказать... Не...

В груди все сжалось в тугую, болезненный ком. Он не просто строгий. Он бездушный сексуальный маньяк в костюме от Армани.

– Что вы сказали? – знаю, что выгляжу глупо каждый раз переспрашивая, но все же... хотелось бы точно знать, что меня ждет.

– Только не прикидывайтесь, что вы меня не услышали. Я разъяснился предельно ясно.

– Понятно, – сквозь зубы прошипела я. – Можно идти?

– Можно. И уберите этот мешок с мусором от двери. Он портит вид.

Я наклонилась, схватила злополучный пакет с елкой, и, не глядя на начальника, вышла. Дверь закрылась за мной со звуком, похожим на удар крышки гроба.

В отделе все замерли, глядя на мое лицо и на пакет в моей руке.

– Что, совсем плохо? – шепотом спросила Лена из бухгалтерии.

– Хуже некуда, – проскрежетала я, швыряя пакет в угол. – Он... он посмотрел мое личное дело. Видел фото с прошлого корпоратива. Сказал что трах... Уволит.

Коллектив ахнул.

– И что? – замерла Лена.

– И теперь он считает, что я – «душа компании», отвечающая за падение продаж. И что все мы – безответственные разгильдяи. И что если мы не выполним план до Нового года, он нас всех... уволит. А меня трах... Уволит несколько раз.

В кабинете повисла гробовая тишина.

– Но до Нового года три рабочих дня! – воскликнул кто-то. – Это нереально!

– Ему, похоже, нравится нереальное, – мрачно сказала я, плюхаясь на стул. – Всем срочно за работу. Звоним клиентам, предлагаем новогодние скидки, дергаем все старые контакты. Мы не можем позволить этому... этому Гринчу украсть у нас не только Новый год, но и работу.

В тот день отдел работал как одна хорошо смазанная, но очень недовольная машина. А я, глядя в монитор, раз за разом прокручивала в голове его ледяной взгляд и фразу: «Ли-

бо вы исправляете, либо я исправляю состав».

Нет, Мирон Александрович Горский. Мы не сдадимся так просто. Это война. И я дам бой.

ГЛАВА 3

Три дня. Семьдесят два часа. Мы работали как проклятые. Воздух в отделе гудел от напряжения, звонков и стука клавиатур. Запах кофе и отчаяния заменил аромат мандаринов и ожидания чуда. Я превратилась в полевого командира разбитой армии: подбадривала, требовала, сама звонила самым сложным клиентам, выбивая из них предоплаты под завуалированными угрозами «новогоднего дефицита».

И у нас стало получаться. Пусть не 15%, но первые 5% отставания мы отыграли. Это был крошечный, но такой важный плацдарм. Это вдохновляло. Это нас окрыляло. Но... Этого было недостаточно.

На третий день, под вечер 30 декабря, когда глаза у всех уже слипались, а в желудке урчало от питания одной пищей, дверь в наш отдел открылась со стуком подобному раскату грома.

Вошел Он. Небрежно, с одной рукой в кармане брюк, с папкой в другой. Все затихли, как школьники перед директором. Или точнее жертвы перед опасным хищником.

– Планерка через пять минут в моем кабинете, – бросил он, обводя взглядом комнату. Его взгляд задержался на Лениных наушниках (она слушала аудиокнигу, чтобы не уснуть) и на пустой банке из-под энергетика на моем столе. – Старшие менеджеры и... Марина Соколова.

Он вышел, не дожидаясь ответа. Я обменялась с коллегами взглядами, полными немого вопроса: «Зачем я?» Встала, потянулась, чувствуя, как затекшая спина отзывается болью.

– Держись, – шепотом пожелала Лена.

– А у меня есть выбор? – прошептала в ответ и пошла на казнь.

В кабинете нового босса уже сидели начальники отделов продаж и маркетинга – все с каменными лицами. Я тихо присела на самый краешек свободного стула у двери. А вдруг получится сбежать?

Мирон Александрович не стал тратить время на вступление.

– Отчет по вчерашним показателям, – он включил проектор. На стене появились те самые графики. Я с трудом сдержала удивленный вздох. Наша кривая, пусть и робко, но поползла вверх. Он ткнул на нее указкой.

– Отдел логистики и снабжения. Неплохой рывок за сутки. Объясните.

Все взгляды устремились на меня. Я почувствовала, как горит лицо.

– Мы... мобилизовали внутренние резервы, провели работу с отложенными заказами, предложили ключевым клиентам... – начала я заученную фразу.

– Конкретнее, – прервал Горский. – Какие резервы? Какая работа? Я не люблю абстракции.

Я встряхнулась, собралась с мыслями. И пошла в атаку.

– Мы проанализировали базу неактивных клиентов за последний год. Выявили три основные причины отказа от услуг: цена, сроки и качество сопровождения. По каждому пункту подготовили персональное предложение с фиксацией цены на полгода, гарантией приоритетной отгрузки и закреплением персонального менеджера. Позвонили семидесяти таким клиентам. Двадцать дали предоплату на старые условия. Вот их список. – Я протянула ему заранее подготовленную распечатку.

Брюнет взял листок, пробежал глазами. В кабинете стояла тишина. Потом босс медленно поднял на меня взгляд. Создавалось ощущение, что он меня раздевает этими самыми глазами. Невольно поежилась и одернула юбку. На мужском лице промелькнуло что-то... неуловимое. Не одобрение. Скорее, удивленное уважение, восхищение... Желание?

Я с ума скоро сойду!

– Инициатива. Нестандартный подход, – произнес он, наконец, откладывая листок. – Но это тактика отчаяния. Ее нельзя применять на постоянной основе. Она сжигает ресурсы.

Все эмоции разом исчезли с его лица, словно их и не было.

Меня будто окатили ледяной водой. После бессонных ночей и нечеловеческих усилий – «тактика отчаяния».

– Это была единственная доступная тактика, Мирон Александрович, учитывая сроки, которые вы же и установи-

ли, – не смогла удержаться я. В кабинете кто-то тихо ахнул.

Горский откинулся в кресле. Уголки его губ дрогнули. Мне показалось, или он едва сдерживает улыбку?

– Учитывая временной промежуток, принято, – сухо сказал он. – Продолжайте в том же духе. Вы еще пока только в начале пути. До поставленной задачи, как до Китая раком. Не время расслабляться. Иначе знаете, что будет. Вам вставят по самое не хочу... конкуренты. Остальным отделам – взять на заметку. Планерка окончена.

Только я одна улавливаю иной смысл в его словах?

На всякий случай потеряла виски, отгоняя ненужные мысли.

Все стали поспешно собираться. Я тоже поднялась с места, чувствуя смесь злости и странного удовлетворения от того, что хоть как-то его зацепила.

– Марина, останьтесь на минутку.

Сердце екнуло. Вот оно. Сейчас начнется разбор полетов за дерзость.

Когда дверь закрылась за последним начальником отдела, Горский указал на стул перед своим столом.

– Присаживайтесь.

Я села. Набрала побольше воздуха в грудную клетку... приготовившись к любому исходу... нашей беседы. И не заметила, как предательски расстегнулась верхняя крохотная пуговичка на вороте моей шелковой блузки.

Проследила за мужским взглядом.

– Ой!

– Оставьте! – небрежно бросил мужчина.

Я не совсем поняла о чем он, о моей пуговице или о той, папке к которой я в этот момент потянулась.

В любом случае, быстрым движением схватила документы и застегнула рубашку до самой шеи.

– Ваша... тактика, – начал Горский, снова взяв в руки мою распечатку, – груба и энергозатратна. Но в ней есть потенциал. Вы мыслите нестандартно. И умеете мотивировать людей. Я видел, как отдел работал все эти дни.

Я молчала, не понимая, к чему он ведет. Воображение я уже опасалась подключать.

– Поэтому я назначаю вас ответственной за новогодний корпоратив, который состоится завтра вечером.

От неожиданности я поперхнулась воздухом.

– Простите? – выдавила я. – Я думала, вы против... «новогоднего абсурда».

– Я против безответственности и панибратства. Корпоратив – это не просто пьянка. Это инструмент. Инструмент для неформальной оценки команды, для налаживания горизонтальных связей. Мероприятие должно быть проведено на достойном уровне. Без вульгарных украшений и неконтролируемого употребления алкоголя, – его взгляд на секунду стал острым, напоминая о недавнем инциденте с елкой. – Вы организовали отдел на штурм в экстренной ситуации. Органи-

зуйте мероприятие. Ваша задача – чтобы все прошло четко, безопасно и... с пользой для дела. Все вопросы по бюджету согласовывайте со мной. Это, поручение, кстати, является частью вашего испытательного срока на новой, пока неопределенной, должности.

Я из всего этого услышала только про «горизонтальные связи». Что он имел ввиду? Мне как-то совсем сплехело. Новый босс на меня влиял странным образом. С чего бы это?

У меня в голове все перевернулось. От смертельного приговора – к ответственному заданию? Новой должности? Это была ловушка? Проверка на прочность? И что я должна буду делать?

Хотя... О чем это я? Найти помещение для корпоратива за один день в преддверии нового года, это из ряда – захотеть слетать на луну. Невыполнимо. Вообще. Никак. Абсолютно.

– Почему я? – спросила я прямо.

– Потому что вы «душа компании», – произнес он без тени иронии. – И, судя по всему, единственная, кто способен в этой компании на реальные действия, а не на оправдания. Справитесь?

В его глазах горел вызов. Тот самый, на который я не могла не ответить.

– Справлюсь, – твердо сказала я.

– Отлично. Можете идти. Я в вас... верю.

Это было сказано так неожиданно, почти по-человечески, что я на секунду потеряла дар речи. Просто кивнула и вы-

шла.

В коридоре прислонилась к стене. Мои руки дрожали. Ответственность за корпоратив. Под пристальным взглядом сексапильного босса. Это была не награда, это была мина замедленного действия.

— Я должна... — сжала кулаки.

Где-то глубоко внутри, под слоями усталости и злости, зашевелился крошечный, опасный огонек азарта. Грский бросил мне перчатку. И я подниму ее. И устрою такой корпоратив, что он забудет слово «абсурд» и выучит слово «восхищение».

Или оттрахает меня во всех позах... В смысле, я хотела сказать, выгонит меня к чертовой матери. Одно из двух.

ГЛАВА 4

Следующие двадцать четыре часа пролетели в бешеном вихре. Организовать с нуля новогодний корпоратив за сутки – задача для садомазохиста. Но я, движимая смесью отчаяния, азарта и желания доказать Горскому, что я не просто «душа компании» с глупой фотографии, погрузилась в это с головой.

Я нашла ресторан. Совершенно случайно. Видимо я везучая. Правда это был сто двадцатый звонок... Но все же. Согласовала меню (без излишеств), заказала музыку (живой саксофон, никакого шансона или диджея с «Бабочкой»), и даже придумала несколько скромных конкурсов, которые могли бы «способствовать тимбилдингу». Каждый шаг, каждый счет я отправляла на утверждение Горскому. Его ответы приходили мгновенно: «Согласовано», «Переделать», «Увеличить бюджет на безалкогольные напитки на 30%», «Убрать конкурс на лучшую снежинку из салфеток – непрофессионально».

К вечеру 31 декабря я стояла в том самом ресторане в своем единственном вечернем платье – строгом черном, которое я обычно надевала на похороны дальних родственников или защиту годовых отчетов. Оно как нельзя лучше соответствовало моему настроению.

Ресторан выглядел... достойно. Никаких мишурных гирлянд на потолке, только элегантные белые огоньки и композиции из хвои и серебряных шаров. Столы ломились от изысканных блюд, в центре – фонтан с игристым сидром. Все чинно, благородно и слегка похоже на поминки по ушедшему году.

Народ начал подтягиваться, озираясь с опаской. На лицах читался немой вопрос: «А можно ли здесь расслабиться, или это часть рабочего процесса?»

И вот появился Он. Горский.

Мирон Александрович вошел не один, с ним была высокая блондинка в умопомрачительном красном платье. Классическая красавица с холодными, как у него, темно-серыми глазами. Она легко взяла его под руку, и что-то в этом жесте, в ее уверенной улыбке, заставило мой желудок сжаться. Не из-за ревности, конечно. Из-за осознания, насколько мы из разных вселенных.

– Коллеги, – голос Горского, без микрофона, легко заполнил зал. Все замерли. – Поздравляю с наступающим Новым годом. Пусть он принесет нам всем профессиональные победы и личное удовлетворение от работы. Прошу чувствовать себя свободно. В пределах разумного.

Он кивнул в мою сторону, как бы передавая эстафету. Блондинка же, не отпуская его руки, окинула зал снисходительным взглядом, словно рассматривала экспонаты в не слишком интересном музее.

Вечер покатился по накатанным рельсам. Люди осторожно пробовали еду, тихо общались, изредка поглядывая на босса и его спутницу, которые устроились за отдельным столиком. Музыка звучала ненавязчиво. Мои «тимбилдинг-конкурсы» прошли с таким энтузиазмом, словно мы собирали подписи за увеличение пенсионного возраста. Атмосфера висела где-то между годовым собранием акционеров и ожиданием приема у стоматолога.

Я, как ответственная, кружила между столиков, улыбалась до боли в скулах и думала, что лучше бы меня отправили разгружать вагоны. Это был полный провал. Я создала именно то, что он хотел – бездушное, контролируемое мероприятие. И ненавидела себя за это.

После полуночи, когда формальности были соблюдены (бокалы подняты, поздравления сказаны), народ слегка осмелел. Кто-то отважился на танцпол. Горский со своей дамой тоже вышел танцевать. Они двигались идеально, как пара с обложки. Это было красиво, безупречно и абсолютно безжизненно.

Я стояла у барной стойки, сжимая в руке бокал с тем самым сидром, и чувствовала себя последней неудачницей. Именно в этот момент ко мне подошел Андрей из IT-отдела, уже изрядно набравшийся смелости из шампанского.

– Марин, ну что за тоска! Давай танцевать! Покажем этому ледяному извергу, как надо веселиться! – И, не дожидаясь ответа, потянул меня на площадку.

Я попыталась сопротивляться, но было поздно. Андрей, милый, но неуклюжий, начал отплясывать что-то невообразимое, вовлекая и меня. Сначала я пыталась сохранять остатки достоинства, но вид его искреннего, хоть и пьяного, веселья был заразителен. Черт с ним, со всем. Хотя бы пять минут быть не ответственной Мариной, а просто Мариной.

Я расслабилась, позволила себе улыбнуться по-настоящему и даже пару раз крутанулась. И в одном из таких поворотов мой взгляд столкнулся с взглядом Горского. Он стоял в стороне, один (спутница исчезла), и смотрел. Не осуждающе. Не поверхностно. Его взгляд был тяжелым, пристальным, будто сдирающим все слои. В нем плясали тени от бликов, что-то темное, хищное и невероятно сосредоточенное. Он смотрел, как будто видел не меня в глупом танце, а что-то иное. Секунда – и взгляд был отведен, он что-то сказал официанту и направился к выходу в зимний сад.

По моей коже пробежал электрический разряд. Стало невыносимо душно. Я вырвалась, пробормотала нелепое оправдание и почти побежала прочь – не в зимний сад, а на маленькую застекленную террасу.

Холодный воздух обжег легкие. Я прислонилась к ледяному стеклу, пытаюсь заглушить странный внутренний пожар.

ГЛАВА 5

– Праздник не оправдал ожиданий?

Я вздрогнула и обернулась. Горский стоял в дверях, силуэтом на фоне золотого света зала. Пиджак снят, рукава белоснежной рубашки закатаны до локтей, обнажая сильные предплечья. В длинных пальцах – бокал с водой. Он выглядел расслабленным и от этого в тысячу раз более опасным.

– Все прошло в полном соответствии с техническим заданием, Мирон Александрович, – ответила я, и голос прозвучал хрипло. – Никакого абсурда, все под контролем. Как вы, собственно и хотели.

Он сделал несколько шагов ко мне. Теперь его лицо было освещено холодным светом уличных фонарей.

– Все прошло в строгом соответствии с техническим заданием, Мирон Александрович, — мой голос звучал чужим. – Никакого хаоса. Полный контроль. Как вы и хотели.

Брюнет сделал несколько шагов ко мне. Лунный свет и отсветы фонарей выхватывали из полумрака высокие скулы, жесткую линию подбородка, губы, которые сейчас казались менее строгими.

– Именно. Полный контроль. Мари-на-а... – Его голос был низким, чуть хриловатым от усталости или чего-то еще. – И оттого невыносимо скучно. Вы, кажется, были единствен-

ным человеком сегодня, кто внес... жизнь в это мероприятие. Пусть и в такой эксцентричной форме.

– Это была не моя инициатива, – пробормотала я, чувствуя, как по спине бегут мурашки от его приближения.

– Но вы не отказались, – Горский был уже близко. От него пахло ночным холодом, дорогим древесным парфюмом, тонкими нотками чего-то чарующего и интригующего, чистым, обманчиво простым мужским теплом. Этот запах ударил в голову, как наркотик. – Почему?

– Потому что сегодня Новый год, – выдохнула я, поднимая на него взгляд. Моя усталость превратилась в дерзость. – Людям иногда нужно чувствовать себя живыми. Даже если это выглядит непрофессионально.

Мужчина изучал мое лицо, его взгляд скользнул по щекам, задержался на губах – на долю секунды дольше, чем следовало. Я невольно их приоткрыла. Затем он снова вернулся к глазам. В его взгляде было нечто неуловимое – не одобрение, но интерес. Острый, как лезвие. Чарующий, пугающий одновременно.

– «Душа компании», – произнес он тихо, и в этих словах не было насмешки. Была констатация факта, вызов. – Контроль душит. Но и полный хаос – губителен. Искусство – в балансе. В умении отпускать... вовремя.

Его слова висели между нами, наполненные скрытым смыслом. Он был так близко, что я чувствовала исходящее от него тепло. Мой взгляд самопроизвольно упал на его руку,

сжимающую бокал, на четкие сухожилия, на уверенную силу. Желание, внезапное и оглушительное, ударило под дых: представить, как эта рука касается не стекла, а моей кожи. Сначала с той же холодной расчетливостью, а потом...

– Завтра, – его голос прозвучал прямо над ухом, заставив все внутри сжаться и застыть в ожидании. – Приходите ко мне в кабинет. В десять. Обсудим... ваше будущее в компании. И план на первый квартал.

Он сделал паузу, давая этим словам повиснуть в прохладном воздухе. Его взгляд снова скользнул по моим губам, и в уголке его рта дрогнул едва уловимый намек на что-то, что не было ни улыбкой, ни усмешкой. Это был тихий, уверенный вызов. Обещание. Или угроза. Или и то, и другое.

– Приготовьтесь, – добавил он почти шепотом, и в этом шепоте звучала темная, манящая музыка охоты. – Начинается самое интересное. Вы ведь не подняли прибыль на 15%...

– Но подняла же, правда на чуть-чуть... – от чего-то я смутилась, говоря об этом.

– Да, вы заставили его подняться...

Он развернулся и ушел, оставив меня одну в ледяной тишине. Но внутри меня бушевал адский огонь. Его слова «обсудим будущее» висели в воздухе, но я уже знала – это была не речь о должностях и квартальных планах. Это означало что-то еще. Тем более, после последней фразы.

Я не вернулась в зал, где вечеринка тихо умирала. Незаметной тенью покинула вечеринку. Для меня наступил мой

личный новый год, он только что обрел новое, пугающее и невероятно желанное направление. Наше противостояние с боссом не закончилось. Оно перешло на территорию, где офисные инструкции были бессильны, где на первом плане пульс в висках и притяжение, которое грозило смести все границы дозволенного в наших «деловых отношениях».

«Обсудим будущее». Это могло означать что угодно – от повышения до увольнения. Но в мужском взгляде, в эту последнюю секунду, было что-то, что не имело никакого отношения к работе. Что-то темное и пугающе притягательное.

ГЛАВА 6

Первое января. Город, затихший в похмельной и праздничной дреме. А я, с бьющимся как птица сердцем, стояла перед дверью офиса в десять утра. На мне был джинсовый комбинезон и большой свитер – сознательный выбор. Никаких черных платьев для похорон. Сегодня я была собой, а не маской ответственного работника.

Дверь в приемную была открыта. Секретарши, конечно, не было. Я прошла к кабинету Горского и замерла. За дверью царила тишина. Я собралась с духом и постучала.

– Войдите.

Его голос был немного хриловатым, будто он тоже не выспался. Я открыла дверь.

Кабинет был залит бледным зимним солнцем. Босс сидел за столом, но выглядел... иначе. Без пиджака, рубашка с расстегнутыми верхними пуговицами, волосы слегка растрепаны. На столе стояла кружка с паром, пахло крепким кофе, а не офисной стерильностью. Рядом лежала папка с моим именем.

– С Новым годом, Марина, – сказал он, отложив ручку. Взгляд был усталым, но острым.

– С Новым годом, Мирон Александрович.

– Садитесь. Кофе?

Предложение было настолько неожиданным, что я на се-

кунду опешила.

– Нет, спасибо. Я... уже пила.

Горский кивнул, откинулся в кресле, изучая меня. Молчание повисло тяжелым, но не враждебным покрывалом.

– Вчерашнее мероприятие, – начал он, – с точки зрения организации – прошло без нареканий. Бюджет соблюден, форс-мажоров не было. Вы справились.

«Но?» – мысленно приготовилась я к удару.

– Но его душа умерла в процессе планирования. И виноват в этом я. Мои требования выхолостили из него все живое.

Я не ожидала такого. Признания ошибки. От него.

– Вы просто хотели порядка, – неуверенно сказала я.

– Я хотел контроля. Иногда это одно и то же. Иногда – нет.

– Он взял папку с моим именем. – Ваши действия в кризисной ситуации и вчерашняя... вспышка жизни на танцполе заставили меня пересмотреть кое-какие решения.

Он открыл папку. Там был не мой старый кадровый файл, а новый документ. «Предложение о назначении».

– Я предлагаю вам должность руководителя проекта по оптимизации внутренних коммуникаций и нематериальной мотивации. С прямым подчинением мне. Зарплата – плюс сорок процентов к текущей.

У меня перехватило дыхание. Это было не увольнение. Это был стремительный взлет. Слишком стремительный. Подозрительно стремительный.

– Почему? – спросила я, сузив глаза. – Из-за вчерашнего... танца?

Он усмехнулся. Коротко, беззвучно.

– Нет. Хотя он стал любопытным штрихом. Из-за вашей способности действовать, когда другие оправдываются. Из-за нестандартного мышления, которое вы продемонстрировали с клиентами. И из-за того, что вы, кажется, единственный человек здесь, кто не боится сказать мне в лицо, что я душу все живое. Мне нужен такой человек рядом. Противовес.

«Рядом». Слово прозвучало слишком интимно для кабинета.

– Это... большая ответственность, – осторожно проговорила я.

– Согласен. И большие риски. Для вас. Вы будете между молотом моих амбиций и наковальней консерватизма коллектива. Многие будут воспринимать это как фаворитизм. Особенно после вчерашнего.

– Особенно после вчерашнего чего? – не поняла я. – Ничего же не было? В принципе...

Он посмотрел на меня прямо.

– После того, как пол-офиса видело, как мы были на террасе, а потом... мы оба исчезли, покинули праздник.

Я почувствовала, как кровь приливает к лицу.

– Мы ничего... Да как же... Вы же были со спутницей и вообще...

– Я отправил ее домой раньше, вызвал такси. Это моя сестра.

– На ней не написано, кто она вам... Да и не важно... Кто бы она ни была, при чем тут я? – я уже не отдавала себе отчет, говорила, что думала, речь казалась бессвязной.

– Успокойтесь!

– Я и вы – это абсурд! Даже не смотря на то, что все ваши шкафы забиты презервативами... Мы никогда и...ничего...

– Я знаю, что мы ничего, – резко прервал он. – Но они – нет. Слухи – такая же часть корпоративной реальности, как и коэффициент полезной эффективности. Готовы ли вы к этому? Готовы ли вы работать не просто на меня, а со мной? Часто – в противостоянии. Сохраняя свою... «душу компании».

Вопрос повис в воздухе. Это был вызов. Самый серьезный из всех. Он предлагал не просто должность. Он предлагал войну на два фронта и близость к нему, которая могла быть и профессиональной, и... чем-то еще. Опасным.

Я посмотрела на документ. На его подпись, уже стоявшую внизу. Потом подняла глаза на мужчину. На усталое, умное, невероятно привлекательное лицо человека, который только что признал меня достойным партнером и предложил союз.

Страх был. Огромный. Но под ним бушевало что-то другое. Азарт. Жажда доказать. Не только ему. Себе.

– Готова, – сказала я твердо, беря ручку со стола. – Но с одним условием.

Брови Горского поползли вверх.

– Каким?

– Условием эксперимента. Первые три месяца – мы пробуем. Я – свои методы. Вы – свой контроль. И раз в неделю – честный разбор без галстуков и протоколов. Где мы оба имеем право сказать друг другу все. Как вчера на террасе.

Он смотрел на меня долго-долго. Потом медленно, почти неощутимо, кивнул. В уголках его глаз появились лучики мелких морщинок – следы чего-то, отдаленно напоминающего улыбку.

– Как там, на террасе? – почти промурлыкал он. Или мне показалось?

– Только деловые отношения... – зачем-то решила я уточнить.

– По рукам. – Он протянул руку через стол для делового рукопожатия.

Я взяла ее. Его ладонь была теплой, сильной, мужественной. Рукопожатие длилось на секунду дольше, чем положено. Электрический разряд, зародившийся вчера на террасе, пробежал по моей руке, пробрался под кожу.

Мы отпустили друг друга. Я быстро подписала документ, чувствуя, как горит щека, к которой он прикасался всего лишь взглядом.

– Отлично, – Горский взял подписанный лист. – Первое рабочее совещание – послезавтра, в девять. Будем обсуждать ваш первый проект. А сейчас... идите. Отпразднуйте. Вы это

заслужили.

Я встала, немного шатаясь от переполнявших эмоций.

– Спасибо, Мирон Александрович.

– Вне рабочего совещания, в условиях нашего эксперимента... можно Мирон, – сказал он, уже снова глядя в бумаги на столе, но я поймала на себе его быстрый, скользящий взгляд.

– Хорошо... Мирон, – выдохнула я и вышла, закрывая за собой дверь.

В пустом, тихом коридоре я прислонилась к стене, положив руку на грудь, где бешено колотилось сердце.

Какое странное ощущение...

Я только что продала душу дьяволу?

Или заключила союз с самым интересным и сложным человеком в своей жизни?

Ответ на эти вопросы мне предстояло узнать.

– Надеюсь, я об этом не пожалею...

ГЛАВА 7

Три дня пролетели в сумасшедшем ритме. Мой «повышенный» статус стал достоянием общественности, стоило мне третьего января войти в офис. Взгляды коллег были разными: от искреннего «молодец» (Лена) до кислого «ну конечно, общение с начальством всегда вознаграждается» (некоторые менеджеры по продажам). Я старалась не обращать внимания, зарывшись в разработку первого проекта. Моя идея заключалась в создании внутренней «системы быстрых идей» – платформы, где любой сотрудник мог анонимно или открыто предложить улучшение процесса и получить бонус за реализацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.